

ЧЕЛОВЕК НА КОНЕ

*...А я один стою меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других...*

Максимилиан Волошин

Доктор Потехин поставил чайник на керосинку, вернулся к столу и продолжил прерванное занятие. Он писал своему давнишнему приятелю, с которым подружился еще в студентах, вел переписку всегда, живо описывая интересные медицинские случаи из практики, и просто делился животрепещущим. Сегодня доктор был особенно взволнован, и от этого строчки выходили неровными, а буквы острыми и стремительными.

Чем ближе конец, а он, уверяю тебя, близок, тем сильнее напряжение. Порою так и бросился бы в водоворот борьбы Колчака с большевиками! Так все надое-ло. Особенно с утра и до вечера думать о жратве. Люди начинают с ума сходить от этой вакханалии. Это же надо: за фунт творога — 100 рублей! Мясо — 40 рублей. Мануфактура — 500! Туфли дамские — 1000—1500. Разве хватит денег даже малосемейным? Мне же с моими женщинами — и говорить не приходится. Так дальше продолжаться не может. Я уверен, скоро на помощь Колчаку придет само население.

Доктор встал из-за стола, потер руки. Подошел к окну, назидательно взглянул, словно кому-то невидимому собирался внушить весьма важную мысль, взял с блюдца кусочек жмыха, положил за щеку и вернулся к письму:

Меня интересует теперь, дорогой мой Пано, кто из нас — вы или мы — скорее уйдет из-под власти большевиков? Ведь у вас там скоро должны разыгаться события. Польские легионы, подкрепленные немцами, вот-вот начнут наступление и прогонят красных. Около Питера тоже зашевелятся.

А Колчак идет не останавливаясь. К тому моменту, когда получите письмо, Вятка, Казань, Самара, наверное, уже будут взяты. А там — на Москву! Говорят, что к Петрову дню Колчака ждут в Москве.

Поставив подпись, доктор задумался, потом окунул перо в чернила и сделал приписку:

P.S. Сейчас узнал интересную и в то же время кошмарную вещь: бутылка спирта стоит 1600 рублей! А сколько мы их с тобой когда-то выпили?

Запечатав письмо, доктор решил немедленно лично отнести его на почту, а заодно и прогуляться. Он сделал приличный крюк, дойдя до Троицкой церкви, ансамбль которой обычно услаждал его эстетическое чувство, сверил собственные часы с часами на колокольне и собирался уже отправиться дальше, когда увидел, что у дома отца Федора стоит груженная скарбом телега и ребяташки дьякона выносят на улицу клетки с птицами. Потехин подошел, поздоровался. Супруга дьякона, матушка Галина — маленькая улыб-

чивая женщина, держала на руках младшего, трехгодовалого ребенка.

— Неужто покидаете нас? — удивился доктор. Старший сын отца Федора, Дмитрий, выносил и укладывал на телегу вещи.

— Уезжаем, — кивнула женщина. — Батюшке предложили храм принять в Закобякине, дом просторный выделили, вот и уезжаем. А Митя остается, не хочет с нами ехать. Большой...

Отец Федор что-то наставительно внушал «большому», а младшие тащили клетки с птицами куда-то в сторону берега.

— Как же это вы так решились? — обратился Потехин к дьякону. — Нам будет вас недоставать...

— Тяжело, Семен Николаевич, стало при таком семействе большом кормиться-то. Все ж в селе-то, думаю, полегче будет. Село-то зажиточное, авось не пропадем.

— А я так думаю, причина-то в другом, батюшка... — проговорил доктор тем тоном, каким обычно говорил с пациентами. — Притесняют, наверное, нынешние? Церковь-то теперь вне закона оказалась?

— Не без этого, — уклончиво ответил отец Федор, наблюдая, как дети пытаются выпустить птиц. Птахи, взлетая и паря над Учей, тут же возвращались и кружили над головами детей, ища свои клетки. — Я так себе думаю, Семен Николаич. Чтобы выжить в этой круговерти, священнику безопасней перебираться периодически с места на место. Пока присмотрятся к тебе, пока привыкнут... Подкопаться не успеют, как ты уже собрался и поменялся местом с соседом.

— Вот какая у вас, батюшка, теория интересная... — удивился доктор и задумался.

— Унеси клетки, Ариша, — крикнул дьякон дочери, — они покружат да и улетят!

— И все же, я думаю, зря вы торопитесь, батенька мой. Сдается мне, все это скоро кончится, вернется на круги своя. Что ж торопиться-то, с насиженного местечка срываться? Все будет по-старому, помяните мое слово!

Дьякон не ответил, снова обратился к детям, а потом стал делать знаки птицам, будто те могли его понять.

— Летите, глупые, чего вы? — говорил он, взмахивал руками и показывал в сторону леса, где, вероятно, он их ловил.

Доктор догадался вдруг, что момент прощания со своими птахами для дьякона важнее, чем беседа о политике. Доктор попрощался и отправился восвояси. К дому дьякона тем временем подъехала вторая подвода, и в молодых парнях-возчиках Потехин узнал братьев Кругловых. Увидев доктора, братья сняли картузы, поздоровались.

— Что же, вы теперь извозом кормитесь? — поинтересовался доктор, вспомнив, что у Круглова отобрали чайную с постоянным двором.

— Точно так-с, — лаконично ответил старший сын Круглова.

— Ну-ну, — задумчиво проговорил доктор и направился к площади, чтобы опустить письмо в ящик.

Примерно с неделю после отправки письма доктор находился в некотором боевом, приподнятом состоянии, которое замечали все его немногочисленные подчиненные.

Доктор объявил собрание и в ожидании персонала мурлыкал себе под нос мотивчик из оперы «Жизнь за царя».

Когда все собрались, он, потирая руки, будто намереваясь объявить что-то необыкновенно приятное, многозначительно проговорил:

— Ну-с, дорогие мои... придется поработать. Объявлена мобилизация на борьбу с Колчаком. Имеются желающие выехать в село?

— Вы об этом так объявляете, Семен Николаевич, — обиженно забурчал фельдшер Оносов, — буд-то на пикник приглашаете.

— Я покамест действительно приглашаю, а там вынужден буду назначать! Вот, полюбуйте, официальная бумага пришла, в которой черным по белому сказано, что наша больница должна обеспечить медицинский осмотр мобилизуемых в селе Закобякино. Возражения имеются?

— Кому же захочется в деревню-то из дома срываться? Ясно, к чему вы клоните, Семен Николаевич. У Вознесенской ребенок малый, Лобко по преклонности лет не может ехать... Кому остается?

— Нам с вами, милейший! — почти весело закончил доктор. — Да вы не переживайте, это ненадолго. За неделю, думаю, управимся. Ну максимум две. Сметанки закобякинской поедим...

— Как же! Так и разбежались тамошние куркули нам с вами сметанки... Да и беспокойно нынче в деревнях-то. Банды по лесам прячутся, по ночам набег делают. Вот недавно...

— Какой вы, однако, бука, господин Оносов! Веселее надо глядеть, батенька мой, веселее!

Доктор остался доволен собранием и вечером домой шел, все так же многозначительно вглядываясь в окружающий пейзаж, словно бы и в нем желая отыскать подтверждения своим мыслям.

На другое утро Ася, как обычно, пришла на работу и, едва переступив порог, почувствовала неясную вибрирующую тревогу, витающую в больнице.

— Семена Николаевича арестовали! — объявил бледный взволнованный фельдшер, когда коллеги собрались в ординаторской. — Ночью пришли двое вооруженных людей, все перевернули вверх дном и... увели нашего доктора... в неизвестном направлении.

— Господи! — воскликнул старый врач Лобко. — Он-то кому дорогу перешел?

— Давайте, коллеги, поосторожней с комментариями, — попросил фельдшер. — Это нас всех коснуться может! Вот Семен Николаевич не стеснялся своих настроений, за то и поплатился... Но что же теперь делать с деревней? Кто поедет со мной? Не один же я, в конце концов? Мне необходима помощь, хотя бы с документацией!

— Я не поеду, — раздраженно заявил Лобко, оглаживая бородку. — Здесь тоже полно больных и опять же — та же мобилизация.

— Тогда пусть едет Вознесенская, — заявил фельдшер так, будто Аси в комнате не было.

— Надо, значит, поеду, — сказала Ася.

Ее раздражали брюзжание фельдшера, его суета, казавшаяся ей совершенно лишней. Ну в деревню так в деревню. Юлика придется оставить на Александру Павловну, которая и без того постоянно с ним. Маша поможет.

— Ничего, Асенька, ты не одна там будешь, — поддержал ее дома отец Сергей. — В Закобякине все семейство отца Федора, люди тебе не чужие, у них сможешь остановиться. А за сына не беспокойся. Ма-тушка Саша пятерых вырастила, и все, слава Богу,

здоровы. И теперь ей ребенок как нельзя кстати. Как Владимира забрали, она места себе не находит.

С беспокойным сердцем отправлялась Ася в Закобякино — трудно оставлять ребенка. Но куда деваться? Пожалуй, послушайся, уклонись — попадешь туда же, куда увели доктора Потехина.

В закобякинском сельском совете — большой просторной избе в два этажа — фельдшеру и Асе выделили отдельную комнату для осмотра мобилизованных. Напротив сельсовета — длинный ряд лабазов. Все дома на улице добротные, с каменным первым этажом и деревянным — верхним. Резные наличники, мезонины. Не дома — терема. На площади возле бронзового памятника Александру II шел митинг. Выступал городской оратор в военной гимнастерке с портупеей.

— Молодая республика в опасности! — орал он, разрубая кулаком воздух перед своим лицом. — Встанем на ее защиту, не дадим потоптать завоевания революции! Власть — Советам! Земля — крестьянам!

Кучкой стояли закобякинские мужики — крепкие, круглолицые, в жилетках и картузах с блестящими козырьками. Не крестьяне, купцы. Так и веяло от этой кучки скрытой недоброжелательной силой. Рядом толпились мужики из окрестных деревень, приехавшие на телегах, уставшие сидеть без дела на жаре. Они лузгали семечки и посмеивались над оратором. Потом кто-то не выдержал:

— Надоело воевать! Сеять некому!

— Мы той земли не видали еще!

За первой репликой посыпались еще более решительные. Мало кто из крестьян горел желанием сразиться с Колчаком.

Оратор, не вступая в дискуссию, уступил место другому военному, который не стал агитировать, а резко и деловито разъяснил порядок мобилизации.

Ася с фельдшером стояли на крыльце сельсовета и наблюдали за происходящим.

— Только мужик до дома добрался, до земли, а его хватъ за шкурку — и вновь на войну, — рассуждал Оносов. — Чует мое сердце, обернется им кровушкой сия мобилизация. Не наберут.

— Как не наберут? — возразила Ася. — Село большое, наберут...

— Большое да зажиточное. Мужики свое добро не бросят. Мало лошадей для армии позабিরали, излишки конфискуют, так теперь и самих хозяев повыкурят на войну... Нет, Августина Тихоновна, что-то будет...

Вопреки прогнозам фельдшера закобякинцы в открытую протеста не проявили. Выстроились в очередь на медосмотр и, как один, стали жаловаться на различные застарелые хвори, на что фельдшер не реагировал.

Зато когда военные отправились по домам, сверяя списки, половины молодых мужиков недосчитались.

— Попрятались! — негодовал оратор в портупее. — Ну ничего, жрать захотят, приползут, переловим...

Неделю работала комиссия по мобилизации, но уклонившихся не дождалась. Отряд красноармейцев стоял в селе для соблюдения революционного порядка.

Ася ночевала в доме отца Федора. Дом, как все дома в Закобякине — высокий и просторный, стоял крайним в улице, ближе к церкви и погосту. Ася ви-

дела, как садились в машину члены комиссии — следом за мобилизованными мужиками, как бабы ругались и причитали. Наконец машина уехала, подняв за собой хвост пыли. Бабы с детьми на руках еще некоторое время стояли и галдели — обсуждали последние события.

— Полно народу от мобилизации укрывается. Где же они прячутся? — удивлялась Ася.

— По лесам, — охотно пояснил отец Федор. — Тут есть два брата Зориных, бывшие офицеры, так они в свою компанию и принимают тех, кто недоволен властью. Мы, говорят, сами себе власть и по-вашему жить, мол, не желаем. А сельчане им потихоньку помогают...

— Вот как... И что же они?

— Озоруют. На прошлой неделе праздник был новый, в сельском совете. Гармонь, песни, пляски — как водится. Так вот одна девица, шибко бойкая, с председателем вызвалась плясать. Она к нему и так и сяк, и он перед ней петухом... Поплясали... А вечером председатель в кармане сюртука записку обнаружил. Мол, привет тебе от Арсения Зорина. До скорого, мол, свиданьица!

— Женщиной переоделся? — не поверила Ася.

— А что ж? Молодые, веселые, кровь кипит, — вздохнул отец Федор. — Наломают дров.

Ася спала в горнице, где, кроме нее, ночевали две дочери священника — пятнадцатилетняя Ариша и двенадцатилетняя Нюся. Они долго шептались, хихикали, мешая Асе уснуть, и когда наконец угомонились, стали мелькать навязчивые образы, которые всегда бывают после долгой однообразной работы. Закроет она глаза, а перед взором мелькают фигуры и лица закобякинских мужиков. Асе казалось, что она

едва заснула, когда шум на улице, выстрелы и пляшущий по стенам свет разбудили ее. Она вскочила и подбежала к окну.

В самой середине улицы пылал факел. В его неровном порывистом свете плясали кони, норovia стряхнуть беспокойных седоков. Узкие изломанные тени заполнили площадь. Они колыхались, вздрагивали, метались. Из домов выбегали люди. Слышались пальба, крики. Кто-то неумело ударил в колокол, тот загудел низко, протяжно.

— Вот они, легки на помине! — сказал отец Федор, глянув в окно.

Где-то вдалеке, за селом, стояло зарево. Горело в соседней деревне. На мгновение огонь ослаб, темнота будто бы сжала его со всех сторон, но ненадолго — вырвался, метнулся в небо.

— Боже святой! — ахнула матушка Галина и схватилась рукой за горло. — Что ж это будет-то?

На фоне далекого зарева хорошо было видно, что творится вблизи — из домов выбегали в исподнем красноармейцы и, не успев сообразить ничего, падали убитые. Всадников было много, казалось, они все прибывают, заполняют собой тесную улицу. Несколько всадников, по-видимому главные, гарцевали вокруг памятника, отдавая распоряжения.

Кони погарцевали и направились в сторону церкви.

— Господи, пронеси! — Матушка перекрестилась на образа.

— Эй, батя, спишь долго! — заорали с улицы.

Отец Федор вздохнул, облачился в рясу и, приказав жене не выходить, поспешил на зов. Ася, сестры Ариша и Нюся и матушка с младенцем на руках приникли к окнам.

— Ну, батя, радуйся! Свергли мы самозванцев-советчиков, вернули свое! — хвастался всадник в военной форме с погонами поручика. — Служи молебн нашему оружию!

— Как так — молебн? — опешил отец Федор. — Побойтесь Бога...

— А что нам его бояться? Мы чужого не брали, мы свое вернули и собираемся защищать. Правду говорю, братки?

Братки ответили дружно и охотно. Боевое настроение не иссякло, требовало продолжения.

— Или ты, может, батя, за Советы? Тогда конечно, тогда мы с тобою по-другому поговорим...

— Я, сын мой, Богу служу, а не властям! — возразил отец Федор. — А Богу смертоубийство не угодно.

— Ты что же, поп, отказываешься правое дело поддержать? — с угрозой в голосе вступил другой всадник, чем-то неуловимо похожий на первого. Отец Федор уже догадался, что перед ним братья Зорины. Он оглянулся на дом и увидел в окнах перепуганные лица своего семейства.

Вздохнул и направился к церкви.

С тяжелым сердцем служил отец Федор этот молебн. Нес вокруг церкви образ Спасителя, шел и спотыкался. Знал, что спотыкается не от тьмы ночной, а от того, что так нехорошо, гадко на душе. Мелкие бледные звезды взирали на него из вечности с грустным немым упреком. Кладбищенские кресты уныло темнели вокруг белой красавицы церкви, четыре столетия простоявшей здесь и видевшей всякое. Но такого, когда свои убивают своих, эти стены, пожалуй, не видели прежде.

К окончанию молебна начало светать. Народ стекался к площади, на которой под полыхающим фа-